

М. Б. ЩУКИН

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ И НАХОДКИ АМФОР

Хорошо известно, насколько сложной и дискуссионной является проблема черняховской культуры, в первую очередь ее этнической принадлежности. А поскольку вопросы этнической интерпретации не могут быть решены без установления точных хронологических рамок черняховской культуры, то эта задача выдвигается сейчас на первый план.

Среди датирующих элементов немаловажное место принадлежит амфорной таре, но недостаточная разработанность ее датировок создает почву для споров и возможности для расширения хронологических рамок существования черняховской культуры. Ранняя дата — II в. н. э. — устанавливается по находкам монет и узкогорлых светлоглиняных амфор. На основании поздней датировки ягнятинской амфоры делается попытка отодвинуть конец черняховской культуры до VII в.

Наиболее многочисленны на памятниках черняховской культуры сравнительно небольшие узкогорлые светлоглиняные амфоры. Их фрагменты встречаются почти на каждом поселении, и обычно их датировали I—III или II—III вв. н. э. По форме они довольно четко подразделяются на два типа, хотя по отдельным черепкам стенок, ручек или венчиков их почти невозможно различить.

Среди целых экземпляров больше всего амфор с узким, вытянутым корпусом, заканчивающимся слегка расширяющимся дном в виде «рюмочки», с узким трубчатым горлом и большими ребристыми ручками (рис. 1, в). Эти амфоры назовем «инкерманским типом». Они распространены по всей территории черняховской культуры, известно их 15 целых экземпляров, что намного превосходит число находок целых амфор других типов. Амфоры эти известны в римских слоях причерноморских центров, часто встречаются в замкнутых комплексах и могут быть датированы достаточно точно.

А. Т. Смиленко по аналогии с амфорой из склепа № 242 в Херсонесе, где была найдена монета Гордиана III (238—244 гг.), датирует этот тип амфор первой половиной III в.¹ Однако в этом склепе было 14 костяков, лежащих очень тесно и перекрывавших друг друга². Трудно определить, с каким костяком положена монета. Если признать, что монета положена у ног костяка № 1, у головы которого стояла амфора, то это произошло не ранее второй половины III в. На шее костяка № 1 лежала провинциально-римская бронзовая фибула³, датировка которой концом III—IV в. не вызывает сомнений⁴. В склепе № 242 найдено 11 определяемых монет, из

¹ А. Т. Смиленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, VI, 1952, стр. 53.

² Р. Х. Лепер. Дневник раскопок Херсонесского некрополя. ХС, II, Севастополь, 1927, стр. 252.

³ Там же, стр. 252, рис. 18.

⁴ O. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen. Mannus — Bibliothek, 32, 1923, Табл. VII, 162; E. Meyer. Die Bügelknopffibeln. Arbeits- und Forschungsbericht zur Sächsischen Bodendenkmalpflege, 8, 1960, стр. 241.

них монеты Каракаллы (211—217) и Гордиана III (238—244) — самые ранние, остальные поздние: Константина I (306—337), Юлиана (361—363) ⁵.

В погр. № 12 в Городке Николаевке подобная амфора сочетается с ьдеркообразной привеской и фибулой с обернутой ножкой. Такое сочетание весьма типично для III—IV вв., а фибула с трехгранной спинкой —

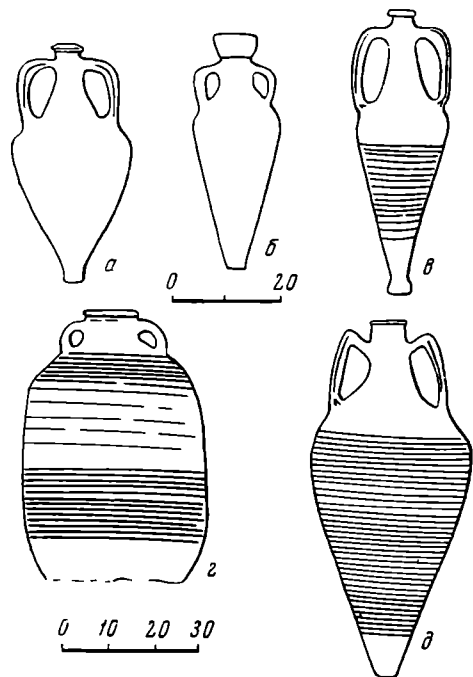

Рис. 1. Некоторые амфоры черняховской культуры

а — амфора «танаисского типа»; б — Малаешты; в — амфора «инкерманского» типа; г — Ягятив; д — Негин

один из более поздних ее вариантов (не ранее второй половины III в.) ⁶. Достаточно точно датируется амфора и в сарматском погребении у ст. Воронежской — последняя четверть III в. ⁷. В доме IV в. на городище у хут. Батарейка обнаружена такая же амфора. Здесь же скопление дисковидных грузил, краснолаковое блюдо с высокими краями, а на полу под золой (дом погиб от пожара) медная монета Рискунора VI (324 г.), т. е. весь комплекс не может быть ранее 324 г. ⁸. В Фанагории и Пантикапее встречались фрагменты высокогорлых амфор этого типа. По условиям стратиграфии они могут быть отнесены к IV в. (они обнаружены в слое, покрывавшем винодельню II—III вв.) ⁹. Хорошо датируется и амфора в погр. № 8 черняховского могильника Извоар в Румынии. Здесь она сочетается с костяным гребнем, серебряной провинциально-римской фибулой, стеклянным кубком и другими вещами IV в. ¹⁰. Из всего изложенного следует, что амфоры инкерманского типа, самые многочисленные в черняховской культуре, не встречаются в комплексах II — первой половины III в. и

должны датироваться второй половиной III—IV в.

Гораздо реже встречаются амфоры, называемые иногда танаисскими. Они имеют более широкое тулово и коническое расширение в нижней части горла (рис. 1, а). В области распространения черняховской культуры найдено пять таких амфор. Из них одна — случайная находка в Олонештах, три происходят с памятников, культурная принадлежность которых не ясна (Беседовка ¹¹, Дубны и хут. Савинский ¹²). Эти амфоры в причерноморских античных городах датируются обычно в рамках II—III ¹³ или даже I в. ¹⁴ Однако все закрытые комплексы указывают на более позднее

⁵ Р. Х. Лепер. Ук. соч., стр. 252, 253.

⁶ M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka». «Prähistorische Zeitschrift», V, 1—2, 1913, рис. 101, 105; O. Almgren. Ук. соч., табл. VII, 162, стр. 79—85; T. Kolník. Hlavné spony mladšej doby rímskej vo svetle náleзов z juhozápadného Slovenska. SA, XII—2, 1964, стр. 421.

⁷ Н. Б. Анфимов. Позднесарматское погребение из Прикубанья. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, рис. 14.

⁸ Н. И. Сокольский. Крепость на городище у хутора Батарейка I. СА, 1963, 1, рис. 6, б.

⁹ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 122.

¹⁰ R. Vulpe. Izvoare. Bucureşti, 1957, рис. 315.

¹¹ Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули. АН, V, 1955, рис. 5, 9.

¹² Полтавський музей, № А883 и А561.

¹³ И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 117.

¹⁴ Т. Н. Книпович. Танаис, М.—Л., 1949, стр. 142.

время. Так, в могильнике Бельбек II две такие амфоры сочетались с монетами Гордиана III¹⁵. Они постоянно встречаются в развалинах зданий, погибших в середине III в. в Танаисе¹⁶, в Илурате¹⁷, на городище у с. Козырка¹⁸ и неизвестны в более поздних комплексах. Самые ранние комплексы с этими амфорами дают ямы-зернохранилища II—III вв. в Ольвии, но и здесь они не могут быть раньше второй половины или конца II в., когда возникло зернохранилище¹⁹. Скорее всего, они более позднего происхождения и тоже относятся к III в., так как постоянно сочетаются с фрагментами больших красноглиняных широкогорлых амфор с рифлением, характерных для III в.²⁰ Такая же амфора найдена в Ольвии и в яме № 57, дата которой по совокупности находок (амфор, кувшинов и светильника) устанавливается достаточно точно — середина III в. Таким образом, мы имеем интересующие нас амфоры в достоверных комплексах только середины III, а о более раннем времени (вторая половина II — начало III в.) свидетельствуют только отдельные находки из фрагментов в слоях II—III вв.²¹ Последнее не исключает возможности существования их в это время, но и не доказывает этого, если учесть неизбежную перемешанность слоев и трудность их расчленения на II и III в.

Каждый, кому приходилось сталкиваться с вопросом датировки черняховской культуры, знает, что широкогорлая амфора с маленькими ручками и яйцевидным, расширяющимся внизу рифленным туловом из Ягнятина (рис. 1, г) является основой, на которой некоторые из сторонники поздней датировки этой культуры строят свои выводы, хотя они и не приводят ей аналогий, не пытаются найти ей определенное место в типологическом ряду, ссылаясь просто на ее поздний облик и сводя всю аргументацию к утверждению, что «кажется, ее можно датировать VI—VII вв.»²². Не приводят убедительных аналогий и их противники²³. Все попытки в этом направлении, предпринятые А. Л. Якобсоном²⁴ (рис. 2, г, д, е), А. Т. Смиленко²⁵ (рис. 2, и), Л. С. Клейном²⁶ (рис. 2, з), не были достаточно успешными. Хотя мы действительно не имеем абсолютно идентичных сосудов, ягнятинская амфора не так уж одинока. Имеются близкие формы и на черняховских могильниках в Альдени²⁷ и во Фрунзовке²⁸, на поселениях Комрат²⁹ и Рипнев II³⁰.

¹⁵ Г. М. Мосберг. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма. СА, VIII, 1946, рис. 4, 1.

¹⁶ Т. М. Арсеньева, Б. Д. Шелов. Раскопки центральной части Танаиса, (1955—1957 гг.). Сб. «Древности Нижнего Дона». МИА, 127, 1965, рис. 6; Б. Д. Шелов. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.). Там же, рис. 9; М. А. Наливкина. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961 гг.). Там же, рис. 14.

¹⁷ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, 85, 1958, рис. 20, 1, 2.

¹⁸ А. В. Бураков. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії. АП, XI, 1962, табл. 1, 4, стр. 63.

¹⁹ В. И. Леви. Итоги раскопок Ольвийского теменоса и агоры (1951—1960). «Ольвия», М.—Л., 1964, стр. 17—23.

²⁰ Фонды ЛОИА АН СССР.

²¹ И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. КСИА АН СССР, 94, 1963.

²² Е. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі. АП, I, 1949, табл. II, 7.

²³ Д. Т. Березовец. О датировке черняховской культуры. СА, 1963, 3, стр. 98, 99.

²⁴ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 330.

²⁵ А. Т. Смиленко. Ук. соч., стр. 56.

²⁶ Л. С. Клейн. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР. СА, XXII, 1955, стр. 260.

²⁷ Ch. Stefan. Une tombe de l'époque des migrations á Aldeni. «Dacia», VII—VIII, 1937—1940, рис. 6.

²⁸ А. А. Кравченко. Могильник Черняховской культуры в селе Фрунзовка. МИА, 139, 1967, стр. 161, рис. 1, з.

²⁹ История Молдавской ССР. т. I, 1965, стр. 50, рис. 2.

³⁰ В. Д. Баран. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга (раскопки 1957—1960 гг.). МИА, 116, 1964, стр. 230, 244, рис. 10, 15.

Очень близка ягнятинской амфора из погр. № 46 позднеантичного могильника «Совхоз № 10» в Инкерманской долине³¹ (рис. 3, а). Их сближают размеры и пропорции (высота 68 см у инкерманской, 60 см — у ягнятинской, у которой дно не сохранилось; 8,5 см высота горла одной и 9 см — у другой; диаметры венчиков соответственно 13 и 12 см и т. д.). Сближает их и такая деталь, как неглубокая горизонтальная линия-желобок под венчиком. В могильнике «Совхоз № 10», датировка которого не выходит за рамки III—IV вв., амфора эта служила урной и была закрыта краснолаковой конической чашечкой с вертикальным бортиком (рис. 3, б). Бортик отбит. «Глина ее светло-оранжевая, лак внутри того же цвета, что и глина, снаружи с подтеками более темного цвета, дно и придонная часть без лака»³². По всей вероятности, чашечка относится ко времени не позже III в.³³ Об этом свидетельствуют ее пропорции и бесцветный лак, который делал поверхность ярче, но сохранял тон глины³⁴.

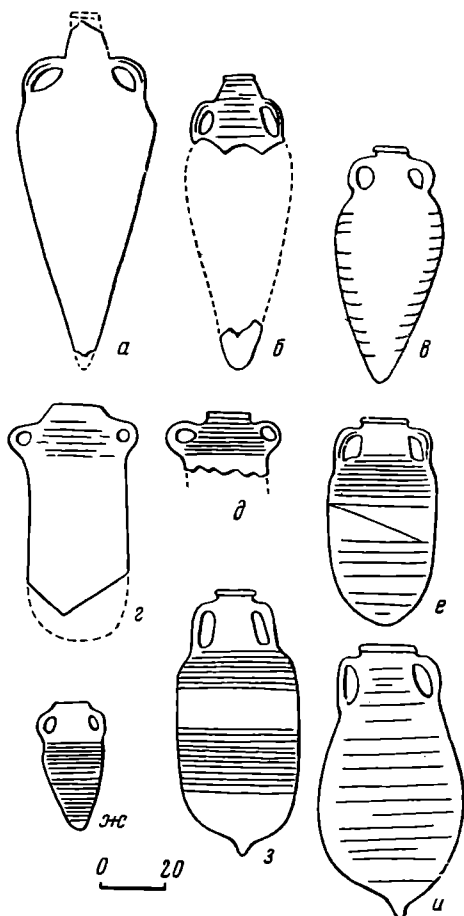

Рис. 2. Амфоры. по аналогии с которыми устанавливалась датировка черняховских амфор

а, б — для амфоры из Каменки (по М. Ю. Смишко); в — для амфоры из Коровинцев (по А. Т. Смиленко); г, д, е — для ягнятинской амфоры (по А. Л. Якобсону); ж — для амфоры из Малаешт (по Г. В. Федорову); з, и — для ягнятинской амфоры (по А. Т. Смиленко и Л. С. Клейну)

имеют еще более широкое горло и расширяющееся в нижней части тулово³⁸ (рис. 4, з). Пропорции, размеры (58—60 см), характер оформления

Ягнятинская амфора может быть поставлена в типологический ряд развития афинских амфор. Эти амфоры из раскопок Афинской агоры имеют округлое яйцевидное тулово и маленькие ручки. В конце I — начале II в. они еще не имеют рифления, и горло их сравнительно узкое³⁵ (рис. 4, а). На амфорах из хорошо датированного комплекса середины III в. (группа К)³⁶ появляется рифление, причем рифление у них более четкое в верхней и нижней частях, как на ягнятинской амфоре, и горло их несколько расширяется³⁷ (рис. 4, б). Амфоры конца IV в.

³¹ С. Ф. Стржеleckий. Отчет о раскопках позднеантичного могильника (III—IV вв. н. э.) в Инкерманской долине, 1961, рис. 128, 129, стр. 19, 31. Архив ИА УССР. Фотография амфоры была любезно прислана мне С. Ф. Стржеleckим, за что приношу ему глубокую благодарность.

³² С. Ф. Стржеleckий. Ук. соч., стр. 19, 31.

³³ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 70, рис. 26, 1.

³⁴ Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, 85, стр. 296.

³⁵ Н. Robinson. Pottery of the Roman Period. «The Athenian Agora», 5, New Jersey, 1959, табл. 8, G197.

³⁶ Там же, стр. 59.

³⁷ Там же, табл. 15, K112.

³⁸ Там же, табл. 29, M273.

венчика и ручек, а также цвет («both the red and the buff clay»³⁹), — все это очень близко к ягнятинской амфоре. В этом типологическом ряду последняя должна стоять где-то между амфорами середины III в. и амфорами конца IV в. (рис. 4, в). В. Грейс предполагает афинское производство амфор этого типа, ссылаясь на то, что подобная глина есть около Афин и ее используют и в наше время⁴⁰.

Амфоры таких же пропорций известны в западной литературе как тип 26 по Дресселю⁴¹, а один из их вариантов — как тип Обераден 83, который найден в римском лагере Обераден⁴² (рис. 5, г). Датировка этих амфор в Оберадене, в Монте-Тестацчо и в Риме в рамках 150—250 гг.⁴³, а амфор типа Дрессель 26 в Ампурии концом II в.⁴⁴ свидетельствует о довольно раннем появлении этой формы. Исходя из датировки погр. № 46 на могильнике «Совхоз № 10» и из типологического развития афинских амфор, считаю, что нет оснований для поздней даты ягнятинской амфоры (VI—VII вв.), а всего вероятней, ее следует отнести к середине III — первой половине IV в., может быть, к концу IV в. Такая дата подтверждается и другими находками с Ягнятинского поселения: монета Марка Аврелия (153 г.)⁴⁵, фибула с подвязанной ножкой, железный гребень и обломки костяного трехчастного гребня⁴⁶. Все эти вещи хорошо датируются и не дают указаний на время позже конца III в. Более того, наличие исковидных ручек и меандрового орнамента на некоторых фрагментах⁴⁷ может свидетельствовать и о более раннем времени.

В 1964 г. у с. Негин на Днестре найдена грушевидная амфора с остроизломанными ручками, цилиндрическим горлом и узким коническим дном⁴⁸ (рис. 1, д). Она могла бы послужить еще одним аргументом для сторонников поздней датировки, так как подобную амфору из Каменки М. Ю. Смышко датировал серединой I тысячелетия на основании сопостав-

Рис. 3. Комплекс погр. № 46 могильника «Совхоз № 10» в Инкерманской долине

³⁹ V. Grace. Stamped Wine Jar Fragments. «Hesperia», Suppl. X, 1956, стр. 170.

⁴⁰ Там же. стр. 170. табл. 73, 11481.

⁴¹ H. Dressel. Sigilla impressa in amphoris in Monte Testaccio et in Emporio repertis. «Corpus Inscriptionum Latinarum», XV, 1899, табл. II, 26.

⁴² В. Haukemes. Daticion de algunas marcas de anforas españolas. «Archivo Español de Arqueologia», XXXI, 1958, № 97, 98, стр. 197—198; Ch. Albrecht. Das Römerlager in Oberaden und das Uferkastell in Beckinghausen an der Lippe. «Veröff. aus d. städtischen Museum f. Vor- und Frühgeschichte», 2, Dortmund, 1942, стр. 101.

⁴³ В. Haukemes. Ук. соч., стр. 198; H. Dressel. Ricerche sul Monte Testaccio. «Ann. dell. Inst.», 50, 1878.

⁴⁴ M. Almagro. El recinto sepulcral romano tardis de El Castellat de Ampurias. Archivio Espanol de Arqueologia, XXIV, 1951, fig. 18, 1.

⁴⁵ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, Г-4-М., 1961. № 394.

⁴⁶ Е. В. Махно. Поселения культуры..., табл. II, 12, 13; е е жс. Ягнятинська археологічна експедиція. АП, III, 1952, табл. 1, 1, 4.

⁴⁷ Е. В. Махно. Поселения культуры, табл. II, 2, 3, а.

⁴⁸ Хранятся в Каменец-Подольском музее.

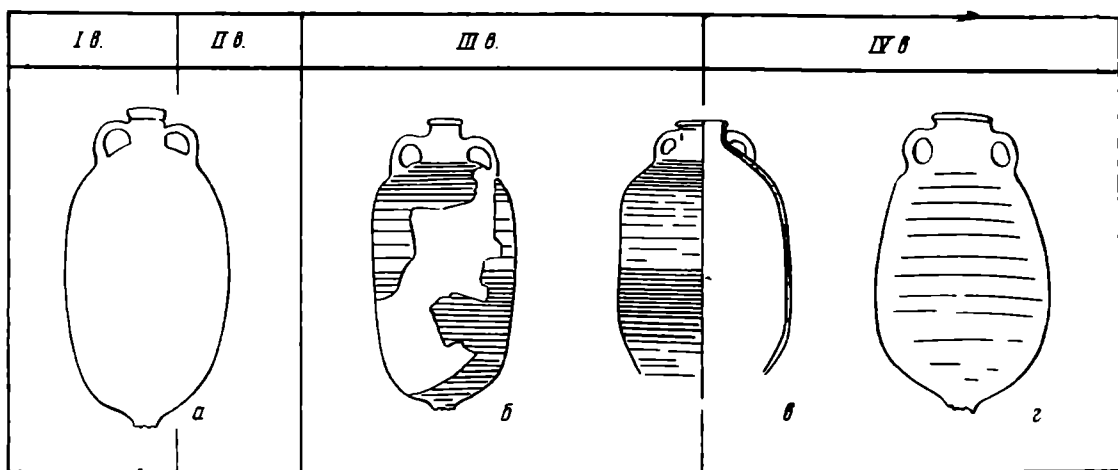

Рис. 4. Яглытинская амфора в типологическом ряду амфор из раскопок Афинской агоры

а — конец I — начало II в.; б — середина III в.; в — Яглытин; г — конец IV в.

ления ее с амфорами V—VI вв. из Херсонеса⁴⁹ (рис. 2, а, б). Аналогии М. Ю. Смишко, как нетрудно убедиться, в высшей степени неосновательны. Определить датировку этих амфор позволяют открытия 1964 г. в Ольвии⁵⁰. Здесь в яме № 57 (зернохранилище римского времени) найден целый комплекс сосудов. Не вызывает сомнения, что сосуды брошены в яму одновременно. Среди них имеется и амфора, близкая по пропорциям и оформлению негинской, хотя и несколько меньшая по размерам. Эта красноглиняная амфора с остроизогнутыми и поднятыми выше горла ручками, вытянутым туловом на довольно высоком поддоне имеет убедительные аналогии в слоях III—IV вв. на афинской агоре⁵¹, в могилах III в. в Геразах⁵². Горла подобных амфор в Пантикапее и Фанагории тоже относятся к III в.⁵³ Хорошо датируются и два тонкостенных кувшина для воды, имеющие маленькую петлеобразную ручку и узкую ножку, как у амфор. Они также известны в Афинах⁵⁴. Такой же кувшин служил урной в одном из погребений могильника «Совхоз № 10», где он найден вместе с монетой Лициния-сына (326 г.)⁵⁵. Уточняют дату ольвийского комплекса маленький светильник с орнаментом в виде черточек по краю⁵⁶ и амфора танаисского типа. По совокупности находок этот комплекс может быть датирован, вероятно, серединой III в.

Эту датировку амфор из Негина и Каменки может подтвердить и одна амфора из Афин (рис. 5, а). Размеры, пропорции и особенно оформление ручек и горла у афинской амфоры чрезвычайно близки амфорам из Негина и Каменки⁵⁷. У афинской амфоры более широкая ножка, но оформлена она одинаково с нашими. Найдена она в бассейне юго-западной части афинской агоры (группа К, по Г. Робинсону), и *terminus post quem* для этого комплекса дает находка 40 монет первой четверти III в., лежавших ниже dna

⁴⁹ М. Ю. Смишко. Карпатські кургани. Київ, 1960, стр. 130, табл. IV, 3; А. Л. Якобсон. Ук. соч., рис. 1, 1; 2, 3—5, стр. 236.

⁵⁰ Не опубликовано. Доклад Г. М. Падва на группе античности ЛОИА 24 июня 1965 г.

⁵¹ H. Robinson. Ук. соч., табл. 15, K113; табл. 28, M237.

⁵² C. H. Kraeling. Gerasa. New Haven, 1938, рис. 43, 1; 45; 50.

⁵³ И. Б. Зеест. Ук. соч., табл. XXXIII, 79.

⁵⁴ H. Robinson. Ук. соч., табл. 20, J46, M45; табл. 23, M125, 126; табл. 29, M281.

⁵⁵ С. Ф. Стрелецкий. Отчет о раскопках позднеантичного могильника «Совхоз. № 10» в 1961 г., рис. 71, стр. 11. Архив ИА АН УССР.

⁵⁶ Г. Д. Белов, С. Ф. Стрелецкий, А. Л. Якобсон. Квартал XVIII. МИА. 34, 1953, рис. 21, стр. 176, 197; рис. 41, стр. 196; M. L. Bernard. Lampki starożytnie. Warszawa, 1955, табл. XCIII, 332.

⁵⁷ H. Robinson. Ук. соч., табл. 15, K114.

бассейна, а *terminus ante quem* — обломок мраморной головы, другая часть которой была использована при строительстве стены, возведенной после нашествия герулов (267 г.)⁵⁸. К этому комплексу относится и одна из афинских амфор с высокоподнятыми ручками⁵⁹.

Амфоры из Каменки и Негина очень напоминают и амфору из колодца № 1 в Алькуде (рис. 5, *в*), где она найдена с монетами Ал. Севера (222—235) и Гордиана III⁶⁰. Все изложенное выше позволяет отнести амфоры из Негина и Каменки к середине III в.

Дата красноглиняной амфоры с воронковидным горлом из Малаешт (рис. 1, *б*) не имеет такого принципиального значения для решения рассматриваемого здесь вопроса, подобно ягнятинской и негинской амфорам, однако я не мог согласиться с ее датировкой у Г. Б. Федорова. Он считает, что амфора из Малаешт «позднего типа, относящаяся к средневековым поздне-римским амфорам» и датируется якобы не ранее IV—V в.⁶¹ Мне не удалось разыскать амфору № 3064/11 из некрополя Херсонеса (раскопки 1934 г.), на которую ссылается Г. Б. Федорова, но его ссылка на амфоры Истрии (рис. 2, *ж*) очень неубедительна. Там амфоры или меньших размеров, с округлым дном и без характерного воронковидного горла⁶², или с воронковидным горлом, но тогда совсем других пропорций — с сильно раздутым округлым туловом. Датировки их не точны, спорны, даны приблизительно, а не на основании находок в замкнутых комплексах. Амфоры, сочетающие вытянутые пропорции и воронковидное горло, сравнительно редки. Однако их известно несколько экземпляров и как раз в первые века нашей эры, а не позднее.

Они имеются в Аугсте, Виндише, Нионе и Майнце (рис. 5, *б*). К сожалению, точнее они не датируются⁶³. Хронологическим указателем может служить комплекс погр. № 4 в Малаештах, где амфора сочетается с овальной бронзовой поясной пряжкой и бронзовой двухчастной арбалетовидной фибулой с подвязанной ножкой, украшенной крестообразно пересекающимися линиями при переходе спинки в ножку⁶⁴. Очевидно, что фибула типа Альмгрен 172. Все свидетельствует скорее о III, чем о IV в.⁶⁵

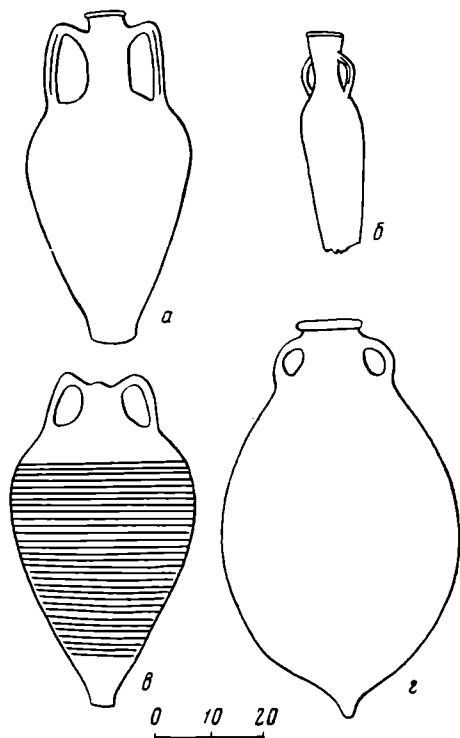

Рис 5. Амфоры, служащие обоснованием для датировки некоторых амфор черняховской культуры

а, в — для амфоры из Негина (*а* — Афины, по Г. Робинсону, *в* — Алькуде, по Р. Фольквесу); *б* — для амфоры из Малаешт (Виндиш, по О. Бону); *г* — для ягнятинской амфоры (тип 26 по Дресселю)

⁵⁸ Н. Robinson. Ук. соч., стр. 59.

⁵⁹ Там же, табл. 15. *K113*.

⁶⁰ A. Ramos. Folgues. Unos pozos manatia les de Epoca Romana en la Alcudia de Elche. «Archivo Español de Arqueologia», XXVI, 107, 108, рис. 12, стр. 237.

⁶¹ Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, 82, 1960, стр. 260.

⁶² *Histria*. I. București, 1954, рис. 379, 380, 384.

⁶³ O. Bohn. Pinselschriften auf Amphoren aus Augst und Windisch. *Anzeiger für schweizerische Altertumskunde*, XXVIII, 4, 1926, табл. XI, 321, стр. 201.

⁶⁴ Г. Б. Федоров. Ук. соч., стр. 259.

⁶⁵ O. Almgren. Ук. соч., табл. VII, 162, стр. 84, 85; T. Kolnik. Ук. соч., стр. 428.

С амфорой из Коровинцев, схематический рисунок которой невольно опубликовал Э. А. Сымонович⁶⁶ (рис. 6, б), было немало путаницы. В 1922 г. при устройстве колодца на глубине около 2 м был найден своеобразный «клад», состоявший из глиняных сосудов черняховской культуры и нескольких железных предметов. Через 25 лет это место обследовал И. И. Ляпушкин. При разговоре с владельцем колодца И. П. Гречаником и его женой последние упомянули в числе находок железное чересло и сосуд «с двумя ручками и округлым дном». На этом основании к «кладу» были отнесены чересло и круглодонная амфора салтовского типа, хранившиеся в Роменском музее, где находились и другие вещи из «клада»⁶⁷. Но оказалось, что амфора эта в действительности происходит из Ермолинцев⁶⁸. Принадлежность чересла к «кладу» тоже вызывает сомнения⁶⁹. В 1949 г. здесь провела небольшие раскопки Е. В. Махно⁷⁰. Обнаружив в Роменском музее другую

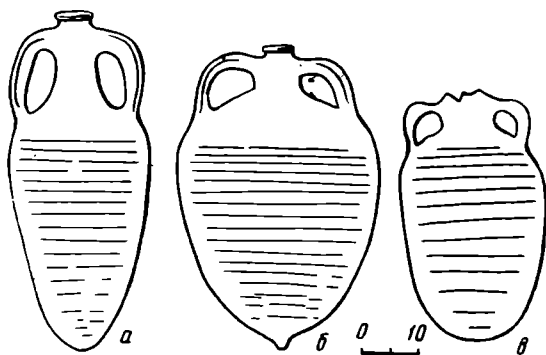

Рис. 6. Амфоры, принадлежность которых к черняховской культуре сомнительна
а — Басовка; б — Коровинцы; в — Ермолинцы

амфору, происходящую из Коровинцев, она ее связала с «кладом». По словам Е. В. Махно, И. Б. Зеест датирует амфору временем не ранее V в.⁷¹

Во всяком случае, вызывает сомнение связь амфоры с комплексом «клада» из с. Коровинцы. На воспоминания о сосуде «с двумя ручками» спустя 25 лет после находки особенно полагаться не приходится. Амфора в Роменском музее может происходить и из другого места села, где обнаружены три поселения, культурный слой которых «нарушен более поздними напластованиями»⁷². В частности, на поселении вдоль улицы Рябковой найдены обломки гончарных и лепных сосудов, украшенных по краю венчика оттисками пальцев и косыми насечками, а также обломок с гусеничным орнаментом⁷³, — вероятно, керамика роменско-борщевской культуры.

А. Т. Смиленко сопоставляет амфору из Коровинцев с амфорами из Херсонеса (IV—VI вв.) и из Агойского аула (VII—VIII вв.)⁷⁴ и указывает, что острый выступ на дне приближает ее к амфорам IV в. Но горло амфоры из Херсонеса, найденной действительно в слое с монетами IV—VI вв.⁷⁵, и амфора из Агойского аула (рис. 2, в), которую А. Л. Якобсон датирует VI—VII вв.⁷⁶, имеют вытянутые пропорции и более длинное горло, чем амфора из Коровинцев, и больше напоминают амфору из Басовки,

⁶⁶ Э. А. Сымонович. Северная граница памятников черняховской культуры. МИА, 116, 1964, рис. 3, б.

⁶⁷ И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребения» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 16—21.

⁶⁸ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, 82, стр. 45, № 11.

⁶⁹ Э. А. Сымонович. Ук. соч., стр. 30.

⁷⁰ Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття..., стр. 78, 79.

⁷¹ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры..., стр. 45, рис. 7—9.

⁷² Е. В. Махно. Там же, стр. 45; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 165.

⁷³ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры..., стр. 45.

⁷⁴ А. Т. Смиленко. Ук. соч., стр. 57.

⁷⁵ А. Л. Якобсон. Раскопки средневекового Херсонеса. КСИИМК, XXV, 1950, рис. 36, I, стр. 112—114.

⁷⁶ А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, 33, СПб., 1909, стр. 87, рис. 19, 8; А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, рис. 2, б.

о которой речь пойдет ниже (рис. 6, а). Датировать амфору из Коровинцев трудно. Я не знаю ни одного закрытого комплекса с такими амфорами. В пользу поздней даты могла бы говорить находка горла амфоры в одном из подвалов в Новах, но там тоже материал смешанный, и вместе с монетой Юстиниана I (540 г.) и обломком костяного двухстороннего гребня IV—V вв. найден светильник более раннего времени и кирпичи с клеймами «LEGITAI»⁷⁷. О III в. могут свидетельствовать находки фрагментов в Сучидаве, где верхняя часть подобной амфоры найдена в слое, датирующемся «до эпохи Константина Великого» (306—337)⁷⁸ и в Нидербибере⁷⁹. Таким образом, аналогии амфоре из Коровинцев мало убедительны, поскольку это в основном фрагменты, а не целые сосуды. Датировка ее оказывается чрезвычайно растянутой (III—V вв.) и не точной, так как опирается не на закрытые комплексы, а на отложения со смешанным материалом. Кроме того, и это чрезвычайно важно, сомнительна ее принадлежность к черняховской культуре.

Еще более сомнительна принадлежность к черняховской культуре амфоры из Ермолинцев. Это случайная находка круглодонной «корчажки» салтовского типа (рис. 6, в), а в районе Ермолинцев неизвестны черняховские памятники. Амфоры эти довольно широко распространены во второй половине I тысячелетия. Особенно характерны они для салтовских памятников на Дону⁸⁰. Много их в Крыму⁸¹, Румынии⁸², Болгарии⁸³ и даже в Египте⁸⁴. Основная масса этих круглодонных амфор относится к V—VI вв., хотя они существуют до IX в. В Сучидаве они найдены в слоях эпохи Юстиниана I⁸⁵. В Херсонесе вместе с монетами Зенона (474—491) и Юстиниана I (527—565)⁸⁶, в Египте они тоже относятся к периоду 400—550 гг.⁸⁷. Эти амфоры появляются еще в IV в. в Тиритаке подобная амфора найдена в помещении V, где найден клад, содержащий монеты от 276 г. (Тейран) до 332 г. (Рискупорид VI)⁸⁸. Многочисленные обломки таких амфор обнаружены и в слоях Пантикапея, где жизнь прекратилась в IV в.⁸⁹

Не имеет никакого отношения к черняховской культуре и амфора из Басовки (рис. 6, а). По сообщению Е. В. Махно, эта амфора с «ребристой поверхностью», удлиненным корпусом, оканчивающимся внизу пишечкой была найдена во время раскопок 1937 г. на Басовском городище и хранилась в Роменском музее под № 1038⁹⁰. Как указывает Э. А. Сымонович, под этим номером в Роменском музее хранится другая амфора, с узким горлом, яйцевидным туловом и без пишечек на дне⁹¹. Амфоры, аналогич-

⁷⁷ K. Majewski. *Novae* 1962. «Archeologia», XIV, 1963, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, рис. 59, 60, стр. 180, 183.

⁷⁸ D. Tudor. *Sucidava I. Dacia, V—VI, 1935—1936*, рис. 11, 7.

⁷⁹ F. Oelmann. *Die Keramik des Kastelles Niederbieber*. «Materialien zur römisch-germanischen Keramik», I, 1914, рис. 45. Кастел существовал со 190 по 260 г. н. э.

⁸⁰ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, 131, 1935, рис. 34, 35.

⁸¹ А. Л. Якобсон. Раскопки средневекового Херсонеса. КСИИМК, XXXV, 1950, рис. 34, I; е го же. Средневековый Херсонес. МИА, 1950, рис. 60.

⁸² D. Tudor. *Sucidava II. «Dacia», VII—VIII, 1937—1940*, рис. 15, d, e.

⁸³ И. Чангова. Средневековни амфоры в България. ИБАИ, XXII, 1959, стр. 249.

⁸⁴ W. Adams. *An Introductory Classification of Christian Nubian Pottery*. «Kush», X, 1962, рис. 7, 3.

⁸⁵ D. Tudor. Ук. соч., стр. 383.

⁸⁶ Г. Д. Белов. Античный дом в Херсонесе. ВДИ, 1950, 2, рис. 15.

⁸⁷ W. Adams. Ук. соч., стр. 279, 287, рис. 22, 26.

⁸⁸ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1950 гг. МИА, 25, 1952, рис. 150, стр. 122.

⁸⁹ И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 120; В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. МИА, 19, 1951, стр. 54—59.

⁹⁰ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры..., стр. 45, № 12.

⁹¹ Э. А. Сымонович. Ук. соч., стр. 12, 32, рис. 3, в.

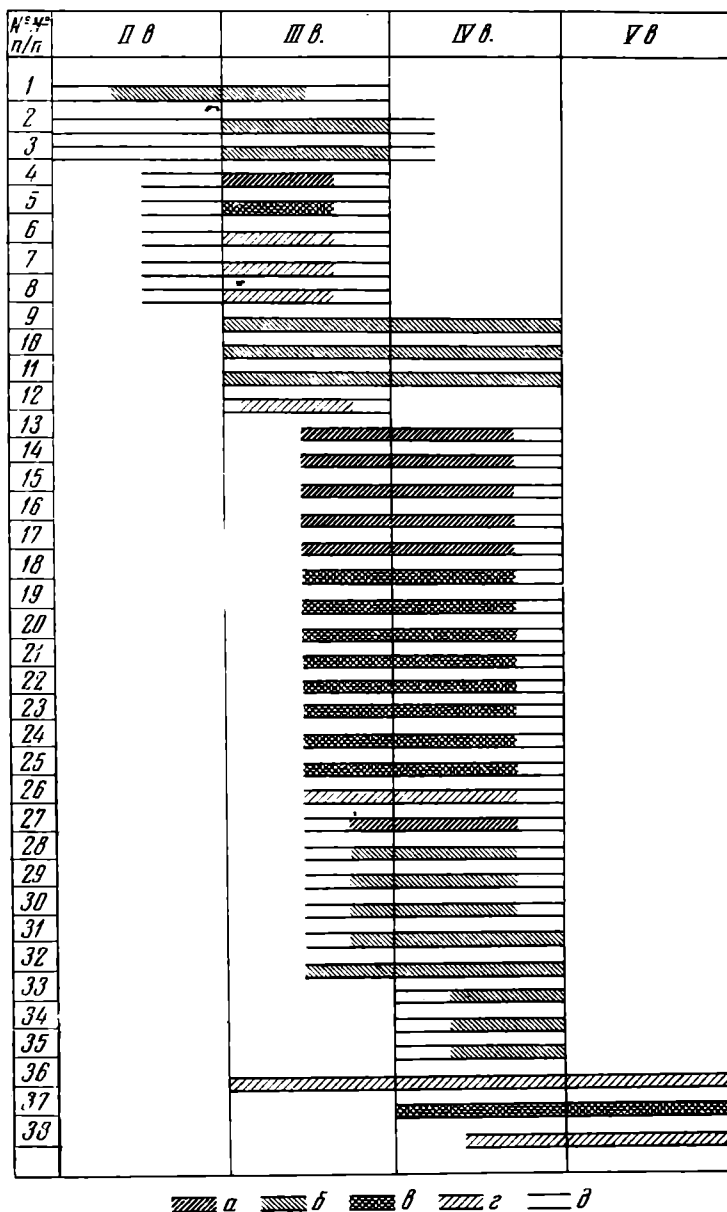

Рис. 7. Хронология амфор черняховской культуры:

а — датировка амфор в достоверных черняховских комплексах, обоснованная многочисленными закрытыми комплексами; б — датировка, нуждающаяся в уточнении; в — случайные находки; г — находки на памятниках, принадлежность которых к черняховской культуре сомнительна; д — возможное расширение датировок. Местонахождения: 1 — Альдени; 2 — Комрат; 3 — Малаешты; 4 — Лопатна; 5 — Олонешты; 6 — Дубны; 7 — хут. Савинский; 8 — Беседовка; 9 — Делакеу; 10 — Комаров; 11 — Турия; 12 — Негин; 13 — Ерковцы; 14 — Извоар; 15 — Индепенденца; 16 — Тыргшор; 17 — Помоватое; 18 — Дебеславцы; 19 — Дебеславцы; 20 — Влади-мир-Вол.; 21 — Максимовна; 22 — Гурбинцы; 23 — Головатяно (Орловец); 24 — Фрунзовка; 25 — хут. Холодный; 26 — хут. Савинский; 27 — Ягнятии; 28 — Комрат; 29 — Рипнев II; 30 — Фрунзовка; 31 — Комаров; 32 — Елизаветовка; 33 — Извоар; 34 — Эрбичени; 35 — Эрбичени; 36 — Коровинцы; 37 — Ермолинцы; 38 — Басовка

ные опубликованной Э. А. Сымоновичем, датируются V—VI вв. в Херсонесе⁹² и IV в. в Танаисе⁹³. Но связывать басовскую амфору с черняховской культурой нет достаточных оснований, поскольку на Басовском горо-

⁹² Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 213, 214, рис. 53.

⁹³ А. К. Коровина, Д. Б. Шелов. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.). Сб. «Древности Нижнего Дона», стр. 51—55, рис. 29.

дище имеются только отложения зольничной и роменско-борщевской культур⁹⁴.

Что касается остальных амфор черняховской культуры, то их датировки не вызывают особых споров, и на них можно специально не останавливаться.

Как видно из рис. 7, время бытования всех амфор черняховской культуры укладывается в довольно узкий промежуток времени — середина III — третья четверть IV в. Конечно, по одному амфорному материалу нельзя судить о времени существования всей культуры. Амфоры свидетельствуют только о периоде интенсивных торговых связей с причерноморскими и средиземноморскими центрами. Дату черняховской культуры можно установить по совокупности всех находок, опираясь на достоверные, твердо датированные, хорошо фиксированные закрытые комплексы. Датировки многих типов инвентаря черняховской культуры еще нуждаются в уточнении. Однако если взять те вещи, хронология которых в достаточной степени разработана в европейской литературе (фибулы, гребни, стекло), они будут свидетельствовать о том же времени.

⁹⁴ И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 49.